

Махажанова Л.М.,
Алиярова Л.М.

Классификации сложных слов в разносистемных языках

В этой статье рассматриваются различные научные подходы и классификации сложных слов в разных языковых системах, а также основные приемы словообразования в немецком языке, способы написания сложных слов, особенности, трудности и правила перевода сложных, многосоставных слов на примерах из немецкой лексики. Целью данной работы является всестороннее исследование сложных слов, их структурных особенностей, соотносительности со словосочетаниями, образования, употребления и многие другие связанные с ними вопросы.

В статье дан обзор отечественной и зарубежной литературы по рассматриваемой проблеме, в том числе рассмотрены отзывы отечественных учёных о грамматических категориях. Изученные работы позволили определить основные направления, идеи и понятия в исследовании данного концепта, определить перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: сложные слова, классификация, взаимоотношение компонентов, лексико-грамматический характер, словообразование, соединительные элементы.

Makhazhanova L.M.,
Aliyarova L.M.

Classifications of compound words in multy system languages

This article focuses on various scientific approaches and classifications of compound words in multisystem languages, as well as the basic techniques of word formation in German language, ways of writing of compound words, features, difficulties and rules of translation, compound, multicomponent words on the German language examples. The objective of this work is a comprehensive study of compound words, their structural peculiarities, correlation with phrases, formation, use, and many other related problems.

Domestic and foreign literature on the problem under discussion is reviewed, including reviews of local scientists on grammatical categories. The overviewed works allowed us to determine the main directions, ideas and concepts in the study of this concept and to determine the prospects for further research.

Key words: compound words, the classification, the relationship components, lexical and grammatical character, word formation, the connecting elements.

Махажанова Л.М.,
Алиярова Л.М.

Күрделі сөздердің тілдік жүйелердегі жіктелуі

Бұл мақалада түрлі тілдік жүйелердегі түрлі ғылыми тәсілдер мен күрделі сөздердің жіктелуін, сондай-ақ неміс тілінде сөзжасамның негізгі тәсілдерін, күрделі сөздерді жазу әдістері, ерекшеліктері мен неміс тілінен келтірілген күрделі және көпжақты сөздерді аударудағы ережелерін талқылайды.

Мақалада қарастырылып отырған мәселе бойынша отандық және шетелдік әдебиеттерден шолу, сонымен қатар грамматикалық категориялар туралы отандық ғалымдардың пікірлері беріледі.

Түйін сөздер: күрделі сөздер, жіктелуі, қарым-қатынас компоненттері, лексикалық және грамматикалық сипаты, сөзжасамы, байланыстырушы элементтері.

КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Во многих древних и современных языках словосложение играет важную роль, как в генетическом отношении, так и в чисто синхронном плане ввиду его исключительной продуктивности. Словосложение нередко занимает ведущее место среди других способов словообразования. И вместе с тем специфика этого словообразовательного способа никак не может считаться установленной. Несмотря на то, что основные типы сложений выделены и описаны еще древнеиндийскими грамматистами, а отдельные модели сложных слов в различных языках были предметом детальнейших описаний, несмотря на то, что специальная литература по словосложению стала буквально необозримой – дискуссии о сущности словосложения и его отличительных признаках до сих пор не потеряли своей актуальности.

При инкорпорировании происходит слияние нескольких корнеслов, обозначающих одно смысловое целое, соответствующее предложению. Сливаемые воедино части такого инкорпорированного целого имеют свое лексическое содержание, с которым они выступают в других сочетаниях с иными, равным образом семантически значимыми, словами. Сливаемые слова могут фонетически изменяться, усекая свои основы и выявляя правила гармонии звуков.

Подобного рода слитный комплекс начинает и заканчивает собою полное содержание всего высказывания (акции, актанты, адъюнкты и сирконстантны), то есть те же самые протоэлементы, которые в языках номинативного типа реализуются в частях речи и членах предложения (сравним казахский и немецкий языки). Таким образом, в инкорпорировании мы имеем цельное синтаксическое построение, которое в одном слитном виде напоминает слово с одним законченным содержанием по смыслу, что соответствует предложению [1, 267].

Существенно отличаются композиты и инкорпорированные комплексы от слитных синтаксических единиц полисинтетических языков. Для иллюстрации инкорпорации приведем пример чукотского предложения: *Ich nehme Hande aus der Tasche*. Здесь акция, а также первый и второй актанты представлены в слитной форме, при которой говорить об отдельных членах предложения не приходится. Между тем, во всех приведенных инкорпорированных комплексах передается определен-

ными синтаксическими приемами содержание целого предложения, построенного с точным соблюдением правил. Здесь имеются уже предложения, которые содержат основные элементы высказывания (внутренней ситуации), а последние в свою очередь требуют своего синтаксического оформления. Это оформление выражается порядком размещения слагаемых частей в едином, синтаксически цельном построении, соединением приемом инкорпорирования.

В казахском языке предложении первый актант *du* – (*сен*) – *you* начинает весь инкорпорированный комплекс, второй актант *қолдар* – (*Hande*) – *Hands* поставлен перед акцией, выраженной словами *go out*, *ausgang*, обратившимся затем в глаголообразующую приставку. В коряцком примере первый актант *na sie* (*они*) *theyu* стоит в начале, второй актант в конце, а между ними помещается акция, вокруг которого сгруппированы относящиеся слова и частицы *қазір – jetzt – now*, и означающие *продолжительность действия*. Здесь представлен прием полного инкорпорирования.

Прием полного инкорпорирования алломорфем немецким и казахским композитам, так как содержат акцию, которая для устранения предикации удаляется. При частичном инкорпорировании сливается не все предложение, а лишь те его составные части, которые наиболее друг с другом связаны по его смысловому значению. Таким приемом объединяется то, что в своей совокупности дает законченное синтаксическое выражение, получающее самостоятельное значение в предложении. В результате возникают такие слияния, которые могут быть изоморфными композитами. Здесь объединяется то, что образует в предложении внутреннюю группировку, составные части которой семантически тяготеют друг к другу [2, 442], [3, 15-17].

В казахском, немецком и английском языке представлены изоморфные конструкции, например: *жақсы бала*, *a good boy*, *ein guter Junge*.

Примыкающее определение по падежам и числам не изменяется, соответствующее число и падеж получает только *бала* сравним: *жақсы балалар*, *good boys*, *gute Jungen*.

В казахском и немецком языке имеет место слияние «неоформленного *табыс септік*» с непосредственно следующим за ним глаголом, сравним: *Ұйқы жастық сұрамайды*, Этот пример изоморфен гилияцкому слиянию (инкорпорации) второго актанта (комплетива) с акцией, сравним: гилияцкий *A good person catches a fish*. *Жақсы адам балық аулайды*. *Ein guter Mann*

fischt Fische. Представленный в примере из гилияцкого языка инкорпорированный комплекс «комплетив» + «глагол» – *балық аулау*, *catch a fish*, *Fischer fischen* изоморфен казахской последовательности «неоформленный *табыс септік* + «глагол» (*балық аулайды*), которая неразложима по смыслу и не может менять порядка слов, то есть, не может менять позицию соположения [4, 18-19].

Большинство лингвистов, испытавших влияние школы де Соссюра, признают существование в языках двух типов отношений – синтагматических и парадигматических. Однородные члены должны рассматриваться как парадигматические, но оказываются связанными синтагматическим. Будучи одинаковы, они должны занимать одно место в дискурсе, однако занимают два со положенных места (фокуса), а не заменяют друг друга (*substitutable*). И на самом деле, в различных языках мира применяются различные синтаксические приемы преодоления проблемы однородных членов предложения. К числу таких способов относятся и композиты. Разумеется, возникает другой вопрос: почему все-таки существуют однородные члены? Имеются различные объяснения. Так, индийский лингвист Г. Гуру рассматривает однородные члены как результат «склеивания» нескольких предложений [5, 63], [6, 45].

Прежде всего, предложения с однородными членами перестраиваются в композитах типа. В сложное слово объединяется два равноправных однородных члена предложения, существительных. Слова связаны между собой отношениями метонимии или, в частном случае, синекдохи, ср.нем.: *Tischdecke* – *дасҕархан* – *scathe* (целое+часть=синекдоха); *Wasserflasche* – *су құйғыш ыдыс*, *water flew dish.*, ассоциация по смежности – метонимия (*жидкость и ее вместительность*).

Приведем примеры из других индоевропейских языков. Классические примеры дает ведийский язык: (*ауа-жер*) *sky-land*, *Himmel-Boden*, *father-mother*, *Vater-mutter*.

Особенность состоит в том, что оба члена равноправны. Именно этим и определяется их специфика. Они, следовательно, не образуют совместно с синтаксической конструкцией в собственном смысле слова, но объединяются отношением сочинения, анализ которого относился бы уже теории бессоюзного сочинения. Поэтому не допускает сведения двух членов к одному или главенства одного из компонентов над другим, кроме отношения предшествования,

закрепленного традицией, но, впрочем, обратимого: *parents* или *mother-father*.

Объединение двух имен реализует бессюзную связь как синтаксическую черту и, кроме того, служит лексическим способом выражения для синтаксической формы так называемого эллиптического двойственного числа [7, 28-30].

Здесь отношение между членами композита и предложением не семантическое, а тектоническое. В понимании И.Ф. Вардуля, тектоника – это устройство каждой единицы языка (в нашем случае предложения и композита) и их иерархия в ярусовой стратификации языка (предложение – эмическая единица грамматического яруса, то есть вышележащая, а композит – этическая единица грамматического яруса, то есть нижележащая). Эти отношения находятся вне десигната, то есть вне семантики. Разумеется, невозможно, чтобы два компонента сложного имени сохранили все богатство синтаксических связей, которое может иметь свободное предложение [1, 268].

Другой тип в рамках «бинома» представляют собой сложные имена, объединяющие два существительных и другие. Между ними и типом есть существенное различие: этот тип обозначает не два, а один реальный предмет. Но он обозначает его двумя соединенными знаками, из которых и тот, и другой – именные. Необходимо выявить связь между двумя членами, а затем синтаксическую конструкцию, которой создается новая единица (метафора, отношение по сходству).

Из двух членов название всегда дает первый. Второй член служит видовым определением первому, прилагая к нему имя другого класса. Но между двумя референтами существует отношение строгого отрицания. Существо, обозначаемое следовательно, является по внешним признакам членом двух различных классов, которые, однако, и неоднородны, и не симметричны, и даже не сходны друг другу. Если это двойное обозначение остается, тем не менее, непротиворечивым, то это объясняется тем, что устанавливаемое им отношение не логическое, не грамматическое, а семантическое. Предмет, обозначаемый таким способом, неодинаково связан с обоими классами. Одному классу он принадлежит по своей природе, другому приписывается в переносном смысле.

Тем не менее именно бумага, имеющая некоторую аналогию с монетой, заменяет ее. Таким образом, лексические знаки типа *paper*, *қағаз*, *papier* несут в себе две категории: одна отражает объективную природу вещей (значение рефе-

рента), другая – фигуру мысли (смысл сигнификата). Десигнат получает знаковую функцию только в сочетании каждого из членов композита; каждый член композита в отдельности не обозначает десигнат. Роль этих сложных заключается в том, чтобы объединить в одном выделяющем наименовании классификации по реальным признакам и классификацию по внешнему сходству. Этим доказывается, что отношение устанавливается между вещами, а не между знаками (между референтами, а не между десигнатами). Следовательно, и здесь речь идет не о семантике, а о тектонике [8, 264], [9, 367], [10, 15-16].

Мы видим также и синтаксическую конструкцию, которая лежит в основе этих сложных имен. Это не логический показатель тождества между двумя классами, поскольку условия употребления требовали бы такого определения: это пропозициональная функция формы, который применяется здесь к реальному предмету, и, однако, референты несовместимы, что было бы противоречивым [11, 447], [12, 264].

Отношение, устанавливаемое посредством глагола «*быть*» должно скорее пониматься здесь как отношение семантического уподобления двух различных понятий на основе, какой либо общей черты, которая имплицитно содержится в них, но не указывается между «*birds, die Vogel, құс*» и «*flies – жәндіктер – die Fliege*» – это будет семантический признак. Как отождествление по сходству между называемым объектом и сравниваемым объектом, эта конструкция, не соответствующая ни одному из логических значений глагола «*to be, болу, sein*», отражается в сложном имени через простое соположение двух образующих его знаков – способ описательный и экспрессивный.

Можно сделать вывод, что это сложное имя и поддерживающая его свободная конструкция может являться интуитивно воспринимаемым отношением между называемым предметом и каким-либо предметом другого класса и выражаться это подобие в форме двойного знака, первый член которого определяемое-уподобляемое, а второй определяющее-уподобляющее. Так в номенклатуре устанавливается новый класс, в котором способ обозначения, объединения два уже известных знака в новую единицу, делает экономию на отдельном едином знаке, либо оставляя его в качестве только запасного, либо вообще вытесняя рядом, когда он остается, по-новому дифференцируя его: так, от исходного имени франц. *martin*, в просторе-

чий обозначающего *воробья*, образуются *Martin – Fischer*, *Мартин – балықшы*, *Martin – Fisher-man*. [10, 265].

Основой сложного имени является синтаксическая группа с определяющим в генитиве и определяемым в номинативе (каким бы образом ни осуществлялось формально, это отношение, для простоты указанное здесь в терминах падежных флексий).

Из всех классов сложения этот класс обнаруживает самую ясную и непосредственную связь свободной синтаксической базы, вплоть до того, что иногда сложное имя и синтагма оказываются, по-видимому, взаимозаменяемыми по желанию. Если это так, то в какой-то мере сложное имя и синтагма допускают свободный и безразличный выбор, можно считать этот тип сложного имени плеонастическим и поставить под вопрос его законность по отношению к синтагме. И, однако, он в некоторых случаях был и продуктивным. Речь идет о том, чтобы найти критерий различия сложного имени и синтагмы, на котором базируется отбор компонентов этих сложных имен.

Чтобы обнаружить его, следует, прежде всего, рассмотреть список сложных имен этого класса и установить, из каких категорий берутся компоненты сложных имен этого типа. Здесь древние индоевропейские языки представляют особенно удобное поле для наблюдений. Пер-

воначально этот тип был редким и узко ограниченным.

Прежде всего, существует компонент *бастық, ueci, head, manager, Ober wirt*, очень продуктивный, имеющий целую парадигму: *head of household, yü ueci, Wirt der Familie*.

Здесь компоненты неполнозначные, требуется комплетив: сын того-то, глава того-то, царь того-то. В дальнейшем появляются композиты того же класса. Здесь речь идет не о повозке, сделанной из золота, а о повозке, полной золота (по-немецки *goldbeladener Wagen-Вакернагель; ein Wagen voll Gold – Гельднер*); к тому же классу принадлежит англ. *arrow-head (наконечник стрелы)* [10, 267], [13, 51], [14, 18].

Производство сложных слов и функционирование их в системе различных языков носит различный характер, что проявляется не только в принципе простого присоединения одного слова к другому, но и в самой морфологической и лексической структуре сложных слов.

Всестороннее изучение форм связи, изучение компонентов сложных слов в двух названных разносистемных языках поможет установить их типологическую особенность, вместе с тем составить представление об общей тенденции их развития на уровне словообразования, имеющего исключительно важное значение при теоретическом изучении того или иного языка.

Литература

- 1 Ульман С. Семантические универсалии, русс. пер. // Сборн. Новое в лингвистике. Вып. Л. – М., 1977. – С. 267-269.
- 2 Бенвенист Э. Общая лингвистика // Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 242, 447.
- 3 Гак В.Г. О контрастивной лингвистике / Новое в зарубежной лингвистике // Вып. XXV. – Контрастивная лингвистика. – М., 1989. – С. 5-17.
- 4 Степанова. М.Д. Словосложение в современном немецком языке // Докторская диссертация. – М., 1960. – С. 63.
- 5 Кацнельсон С. Д. Основные задачи лингвистической типологии. Лингвистическая типология и восточные языки. – М., 1965. – С. 45-49.
- 7 Кубрякова Е.С. О словообразовательной системе языка и отношениях слово-образовательной производности. – Рига, 1969. – С. 28-30.
- 8 Лекомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики / Отв. ред. Зализняк А.А., АН СССР Ин-т Востоковедения. Наука. Глав. ред. восточ. лит., 1983. – С. 123-127, 51, 264.
- 9 Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Русс. пер., 1938. – С. 361- 367.
- 10 Степанова М.Д. Словосложение в современном немецком языке. Докторская дис-сертация. – М., 1960. – С.12-20, 265, 267.
- 11 Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 242, 447.
- 12 Лекомцев Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики / Отв. ред. Зализняк А.А. АН СССР Институт литературы., 1983. – С. 264.
- 13 Dokulil M. Zur Frage der Stelle der Wortbildung in Sprachsystem. – Sas., 1968. – S. 51.
- 14 Helbig G. Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleichens für den Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 1976. – Nr. 1. – S. 18-20.
- 15 Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С. 242, 447.

References

- 1 Ul'man S. Semanticheskie universalii, russ. per. // Sborn. Novoe v lingvistike. Vyp. L. – M., 1977. – S. 267-269.
- 2 Benvenist EH. Obshchaya lingvistika // Pod red. YU.S. Stepanova. – M.: Progress, 1974. – C. 242, 447.
- 3 Gak V.G. O kontrastivnoj lingvistike / Novoe v zarubezhnoj lingvistike //Vyp. HKHU. – Kontrastivnaya lingvistika. – M., 1989. – C. 5-17.
- 4 Stepanova. M.D. Slovoslozhenie v sovremennom nemeckom yazyke // Doktorskaya
- 5 dissertaciya. – M., 1960. – C. 63.
- 6 Kacnel'son S. D. Osnovnye zadachi lingvisticheskoy tipologii. Lingvisticheskaya tipologiya i vostochnye yazyki. – M., 1965. – C. 45-49.
- 7 Kubryakova E.S. O slovoobrazovatel'noj sisteme yazyka i otnosheniyah slovoobrazovatel'noj proizvodnosti. – Riga, 1969. – C. 28-30.
- 8 Lekomcev YU.K. Vvedenie v formal'nyj yazyk lingvistiki / Otv. red. Zaliznyak A.A., AN SSSR In-t Vostokovedeniya. Nauka. Glav. red. vostochn. lit., 1983. – C. 123-127, 51, 264.
- 9 Meje A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropskih yazykov. Russ. per., 1938. – C. 361- 367.
- 10 Stepanova M.D. Slovoslozhenie v sovremennom nemeckom yazyke. Doktorskaya dissertaciya. – M., 1960. – C.12-20, 265, 267.
- 11 Benvenist EH. Obshchaya lingvistika / Pod red. YU.S. Stepanova. – M.: Progress, 1974. – C. 242, 447.
- 12 Lekomcev YU.K. Vvedenie v formal'nyj yazyk lingvistiki / Otv. red. Zaliznyak A.A. AN SSSR Institut literatury., 1983. – S. 264.
- 13 Dokulil M. Zur Frage der Stelle der Wortbildung in Sprachsystem. – Sas., 1968. – S. 51.
- 14 Helbig G. Zur Rolle des kontrastiven Sprachvergleichens fur den Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. – 1976. – Nr. 1. – S. 18-20.
- 15 Benvenist EH. Obshchaya lingvistika / Pod red. YU.S. Stepanova. – M.: Progress, 1974. – C. 242, 447.